

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЧАСТЕРЕЧНОГО СООТНОШЕНИЯ ЧАСТОТНОЙ ЛЕКСИКИ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ, АЛТАЯ И ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ¹

© 2014 С. В. Супряга

*канд. филол. наук, доцент каф. методики начального образования
e-mail: supriaga@mail.ru*

Курский государственный университет

Проводится статистический анализ частеречного соотношения частотной лексики лирических песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Восточного Полесья. Подтверждается гипотеза о том, что частеречное соотношение частотной лексики несколько иное, чем данное соотношение в словнике в целом (увеличивается процентное содержание всех частей речи, кроме глаголов). Доказывается, что в плане частеречного соотношения основной пласт лексики русских лирических песен трех регионов бытования имеет схожие черты, а незначительные расхождения в процентном соотношении этих данных в целом определяются разницей в объемах выборки анализируемых корпусов текстов.

Ключевые слова: русская лирическая песня, старообрядцы Забайкалья, Алтай и Полесья, лексика, частеречный анализ, частотный словарь, словник.

«Унификация, нивелировка, с одной стороны, и замкнутость, вплоть до этноцентризма, с другой, — лишь крайние, полярные выражения двух противоположных тенденций в развитии этнокультурных традиций. Между этими двумя полюсами много промежуточных, частных и не столь определенно выраженных противоположностей. Их нужно изучать, знать, чтобы правильнее понять и оценить процессы, происходящие в области духовной культуры. И все же, несмотря на крайнюю полярность этих тенденций, гармония взаимодействия заложена в их единстве», — отмечает И.А. Криничная [1995: 32–40].

Т.С. Шенталинская, исследователь духовной культуры русских, проживающих в инонациональном окружении, подчеркивает, что «судьба русского фольклора в инокультурном окружении — одна из насущных проблем современной отечественной науки, требующая безотлагательного и энергичного изучения» [Шенталинская 1995: 3]. А язык фольклора старообрядческого населения представляет для лингвофольклористики особый интерес, поскольку, по наблюдениям целого ряда исследователей, практически не допускает (в силу консервативности взглядов) влияния извне. Ю.И. Смирнов считает, что «там, где бытование русской локальной традиции ограничивалось анклавом, ее воспроизводство зависит исключительно от нефольклорных факторов» [Смирнов 1991: 22].

В.В. Головин, рассуждая о взаимопроникновении фольклора окружения в русские анклавы, особое внимание уделяет тому, что влияние в данных случаях является не формой разрушения фольклора исторической родины, расшатывания иммунитета традиций, а лишь способом проявления нормального процесса культурного общения: «Процесс трансформации, сакрализации заимствованных иноэтнических элементов в спокойно соседствующих этносах растянут во времени, имеет разные стадии — от инновации до “фольклорного двуязычия”» [Головин 1995: 21].

С целью подтверждения гипотезы о том, что новые условия бытования анклавной традиции могли отразиться на лексическом составе лирических песен, мы сопоставили частотные словари поэтического фольклора трех групп старообрядцев, которые с конца XVII по середину XVIII века представляли собой единую «ветковскую» традицию, а затем большая их часть была насильственно выселена в Забайкалье и на Алтай. Чтобы проследить

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-04-00171а).

общность единой некогда традиции, мы сопоставляем тексты, записанные в новых условиях проживания старообрядческого населения, с песнями, зафиксированными собирателями в Восточном Полесье.

В наших предыдущих публикациях [Кляус, Супруга 2008; Супруга 2013] мы уже отмечали наличие «квантитативной» общности в лексике русских лирических песен трех анализируемых корпусов текстов по таким количественным параметрам, как частотность, коэффициент лексического разнообразия словаря, процент содержания в нем низкочастотной и высокочастотной лексики, частеречное соотношение первых двадцати высокочастотных знаменательных слов, и другим, что свидетельствует о структурной устойчивости фольклорной речи в условиях иноязычного и инокультурного окружения.

Проведем статистический анализ частеречного соотношения частотной лексики лирических песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Восточного Полесья.

Частотная лексика составляет примерно 12,5–14% во всех трех анализируемых частотных словарях (802 лексемы в текстах старообрядцев Забайкалья, 422 – в алтайских песнях и 342 – в песнях Полесья).

Посмотрим, как частотная лексика распределяется по частям речи.

Часть речи	Корпус текстов	Кол-во лексем	% от общ. числа слов части речи	% от общ. числа слов частотной лексики	Кол-во с/у	% от общ. числа с/у части речи	% от общ. числа с/у частот. лексики	F ср.
Существительное	<i>Забайкалье</i>	318	14,1 %	39,6 %	14744	71,6 %	22,4 %	46,4
	<i>Алтай</i>	161	14,5 %	38,2 %	4796	64,9 %	18,7 %	29,8
	<i>Полесье</i>	122	14,9 %	35,7 %	2395	59,4 %	20,8 %	19,6
Прилагательное	<i>Забайкалье</i>	101	10,4 %	12,6 %	5223	70 %	7,9 %	51,7
	<i>Алтай</i>	65	13,5 %	15,4 %	2231	67,4 %	8,7 %	34,3
	<i>Полесье</i>	35	10,7 %	10,2 %	821	55,6 %	7,1 %	23,5
Глагол	<i>Забайкалье</i>	217	8,6 %	27,1 %	9892	60 %	15 %	45,6
	<i>Алтай</i>	91	7,2 %	21,6 %	2340	44,5 %	9,2 %	25,7
	<i>Полесье</i>	76	7,9 %	22,2 %	1565	45,9 %	13,6 %	20,6
Наречие	<i>Забайкалье</i>	62	13 %	7,7 %	3294	73,2 %	5 %	53,1
	<i>Алтай</i>	25	11,6 %	5,9 %	937	65,1 %	3,7 %	37,5
	<i>Полесье</i>	31	16,6 %	9,1 %	563	60,8 %	5 %	18,2
Числительное	<i>Забайкалье</i>	9	15 %	1,1 %	696	78,1 %	1,1 %	77,3
	<i>Алтай</i>	8	22,9 %	1,9 %	211	74,8 %	0,8 %	26,3
	<i>Полесье</i>	5	23,8 %	1,5 %	119	77,3 %	1 %	23,8
Местоимение	<i>Забайкалье</i>	35	53,8 %	4,4 %	10614	98,5 %	16,1 %	303,3
	<i>Алтай</i>	25	51 %	5,9 %	4295	98,4 %	16,8 %	171,8
	<i>Полесье</i>	28	62,2 %	8,2 %	2273	97,2 %	19,7 %	81,2
Служебные части речи	<i>Забайкалье</i>	45	51,7 %	5,6 %	18181	98,9 %	27,6 %	404
	<i>Алтай</i>	35	57,4 %	8,3 %	8524	98,9 %	33,3 %	243,5
	<i>Полесье</i>	38	61,3 %	11,1 %	3309	97,5 %	28,7 %	87,1
Междометие	<i>Забайкалье</i>	15	23,8 %	1,9 %	3204	94,7 %	4,9 %	213,6
	<i>Алтай</i>	12	37,5 %	2,8 %	2253	96,3 %	8,8 %	187,8
	<i>Полесье</i>	7	38,9 %	2 %	469	95,5 %	4,1 %	67
Всего	<i>Забайкалье</i>	802		100 %	65848		100 %	82,1
	<i>Алтай</i>	422		100 %	25587		100 %	60,6
	<i>Полесье</i>	342		100 %	11514		100 %	33,7

Сведем полученные процентные данные по количеству лексем всех самостоятельных частей речи в зависимости от общего числа слов частотной лексики в таблицу по убыванию.

<i>Забайкалье</i>		<i>Алтай</i>		<i>Полесье</i>	
Существительное	39,6 %	Существительное	38,2 %	Существительное	35,7 %
Глагол	27,1 %	Глагол	21,6 %	Глагол	22,2 %
Прилагательное	12,6 %	Прилагательное	15,4 %	Прилагательное	10,2 %
Наречие	7,7 %	Наречие	5,9 %	Наречие	9,1 %
Местоимение	4,4 %	Местоимение	5,9 %	Местоимение	8,2 %
Числительное	1,1 %	Числительное	1,9 %	Числительное	1,5 %

Получается, что «рейтинг» всех частей речи по этому параметру совпадает полностью.

Сравним теперь данные (в процентах) по количеству частотных слов от числа лексем той или иной части речи в словаре в целом.

<i>Забайкалье</i>		<i>Алтай</i>		<i>Полесье</i>	
Местоимение	53,8 %	Местоимение	51 %	Местоимение	62,2 %
Числительное	15 %	Числительное	22,9 %	Числительное	23,8 %
Существительное	14,1 %	Существительное	14,5 %	Наречие	16,6 %
Наречие	13 %	Прилагательное	13,5 %	Существительное	14,9 %
Прилагательное	10,4 %	Наречие	11,6 %	Прилагательное	10,7 %
Глагол	8,6 %	Глагол	7,2 %	Глагол	7,9 %

Итак, внутри каждой части речи процентное соотношение частотной лексики в разных корпусах текстов различается: только первые две и последняя позиции совпадают: их занимают местоимение, числительное и глагол, а третью позицию в песнях «семейских» Забайкалья и «поляков» Алтай занимает существительное, в текстах же старообрядцев Восточного Полесья – наречие, которое в первом словнике занимает четвертую позицию, а во втором – пятую. Прилагательное стоит на предпоследнем месте в песнях Забайкалья и Полесья и на четвертом в словнике Алтая.

Тот факт, что во всех словниках среди частотной лексики глагол занимает последнюю позицию, объясняется тем, что большое количество глаголов (1025 лексем (40,6 % от общего числа лексем этой части речи в текстах «семейских» Забайкалья), 524 слов (41,5 % – в алтайских песнях) и 382 (39,9 %) – в песнях Полесья) имеет частотность 1.

Проанализируем «рейтинг» количества словоупотреблений (с/у) частотной лексики в процентном отношении к общему числу с/у определенной части речи.

<i>Забайкалье</i>		<i>«Поляки» Алтай</i>		<i>Старообрядцы Полесья</i>	
Местоимение	98,5 %	Местоимение	98,4 %	Местоимение	97,2 %
Числительное	78,1 %	Числительное	74,8 %	Числительное	77,3 %
Наречие	73,2 %	Прилагательное	67,4 %	Наречие	60,8 %
Существительное	71,6 %	Наречие	65,1 %	Существительное	59,4 %
Прилагательное	70 %	Существительное	64,9 %	Прилагательное	55,6 %
Глагол	60 %	Глагол	44,5 %	Глагол	45,9 %

Итак, в целом части речи по этому параметру во всех трех словниках занимают одни и те же позиции, за исключением имени прилагательного, которое в словаре «поляков» Алтай занимает третью позицию, а в других словарях – пятую.

Обратимся теперь к такому показателю, как процент с/у высокочастотных слов части речи от общего числа словоупотреблений частотной лексики в целом.

<i>Забайкалье</i>		<i>Алтай</i>		<i>Полесье</i>	
Существительное	22,4 %	Существительное	18,7 %	Существительное	20,8 %
Местоимение	16,1 %	Местоимение	16,8 %	Местоимение	19,7 %
Глагол	15 %	Глагол	9,2 %	Глагол	13,6 %
Прилагательное	7,9 %	Прилагательное	8,7 %	Прилагательное	7,1 %
Наречие	5 %	Наречие	3,7 %	Наречие	5 %
Числительное	1,1 %	Числительное	0,8 %	Числительное	1 %

По этому параметру рейтинг всех частей речи во всех корпусах текстов совпадает полностью.

Относительно удельного веса служебных слов и междометий отметим, что 95–99% этих частей речи являются высокочастотными, средняя частота указанных лексем в 2,6 раза превышает *F* ср. (среднюю частоту) частотной лексики в словнике «семейских», в 3 раза – в словаре «поляков» и в 2 раза – в текстах старообрядцев Полесья для междометий; и в 5 раз в первом словнике, в 4 раза – во втором и в 2,6 раза – в третьем для служебных частей речи.

Следует отметить, что глаголов среди частотной лексики в 1,5–1,8 раза меньше, чем имен существительных; прилагательных – также примерно в 1,5–2 раза меньше, чем глаголов, а в словнике в целом глаголов больше, чем существительных в 1,1–1,2 раза.

Изменилось и соотношение прилагательных и глаголов: если в словниках в целом прилагательных примерно в 3 раза меньше, чем глаголов, то среди частотной лексики прилагательных во всех словниках меньше приблизительно в 1,5–2 раза.

F ср. всех частей речи, кроме местоимений, не превышает среднюю частоту с/у частотной лексики в целом. Причем разница по частям речи в этом показателе колеблется незначительно: от 45,6 до 53,1 у существительных, прилагательных, наречий и глаголов (только числительное имеет *F* ср. 77,3) в словнике песен «семейских», от 25,7 до 37,5 (включая имена числительные) в словаре текстов, записанных у «поляков» Алтая, и от 18,2 до 23,8 – в словаре поэтического фольклора старообрядцев Полесья.

Итак, данные частеречного анализа трех сравниваемых словников подтверждают выводы, сделанные нами и другими исследователями при анализе лексики других корпусов песен (см.: [Моргунова 1996: 28; Супряга 2001: 32]), о том, что частеречное соотношение частотной лексики несколько иное, чем частеречное соотношение в словнике в целом, увеличивается процентное содержание всех частей речи, кроме глаголов.

Вообще, имена в сумме составляют 53,4 % частотной лексики в словаре забайкальских песен, 55,4 % – алтайских и 47,4 % – полесских; наречия и глаголы вместе – почти 34,8 % в первом, 27,5 % – во втором и 31,3 % – в третьем словнике. Это позволяет сделать вывод о том, что в плане частеречного соотношения основной пласт лексики русских лирических песен, бытующих на территории Забайкалья, Алтая и Полесья имеет схожие черты, а незначительные расхождения в процентном соотношении этих данных в целом определяются разницей в объемах выборки исследуемых корпусов текстов.

Список источников

Архивные записи Рукописного отдела Бурятского научного центра Сибирского отделения РАН.

Волков В.Н. Фольклор Читинской области. Чита, 1996.

Гуревич А.В., Элиасов Э.Е. Старый русский фольклор Прибайкалья. Улан-Удэ, 1939.

Дорофеев Н.И. Русские народные песни Забайкалья: Семейский распев. М., 1989.

Записи из фольклорного архива Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН (экспедиция 1997/98 гг., осуществленная по проекту РГНФ «Традиционная культура "семейских" Чикоя»), № 97-01-18061, записи В.Л. Кляуса, Л.Н. Ильюшенко, В.С. Левашова), записи из личного архива В.Л. Кляуса (записи разных лет).

Кляус В.Л., Супряга С.В. Песенный фольклор русскоустыинцев Якутии и семейских

Забайкалья: Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск: РОСИ, 2006. С. 113–189.

Махова Л.П. «Ай, мы последний денечек веселимся...» (лирическая песня старообрядцев-«поляков») // Вестник Российского фольклорного союза. М., 2003. № 3 (8). С. 20–29.

Махова Л.П. Мужские исполнительские приемы «польских старообрядцев» Сибири // Звук в традиционной народной культуре: сб. науч. ст. М., 2004. С. 99–149.

Махова Л.П. Пять приёмов мужской исполнительской традиции «польских старообрядцев» Сибири // Мужской сборник. Вып. 2. М.: Лабиринт, 2004. С. 220–236.

Махова Л.П. Особенности мужской исполнительской традиции на примере русских протяжных песен Сибири // Материалы международной конференции памяти А.В. Рудневой. М.: Моск. конс., 2004. С. 44–61 (с нот.).

Обрядовые песни русской свадьбы Сибири / сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1981.

Русские песни Южного Алтая / сост. и аннот. В.М. Щуров. Л.: Мелодия, 1983. Stereo С 20; 19883005. 2 пласт. Записи 1983 года (из собр. фонограмм архива Пушкинского Дома).

Протасов Н.П. Песни забайкальских старообрядцев. Иркутск, 1926.

Ровинский П.А. Материалы для этнографии Забайкалья // Известия / ВСОРГО. 1873. Т. 4. № 2. С. 99–101; №3. С.113–132.

Ровинский П.А. Этнографические исследования в Забайкальской области // Известия Сибирского отдела РГО. 1872. Т. 3. № 3. С. 120–133.

Русская свадебная поэзия Сибири / сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1984.

Русские свадебные песни Сибири / сост. Р.П. Потанина. Новосибирск, 1979.

Сторона ты моя, сторонushка: Песни семейских Восточного Забайкалья / сост. Т.М. Зенкова, И.О. Кирюшкина. Чита, 2001.

Фольклор семейских / сост. Л.Е. Элиасов, И.З. Ярневский. Улан-Удэ, 1963.

Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. Т. 13, 14. Новосибирск, 1997 (песни поляков).

Хороводные и игровые песни Сибири / сост. Ф.Ф. Болонев, М.Н. Мельников. Новосибирск, 1985.

Швецова М. «Поляки» Змеиногорского округа // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского русского географического общества. Кн. XXVI. Омск, 1899.

Швецова М. Из поездки в Риддерский край // Записки Западно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. Кн. 25. Омск, 1898.

Щуров В.М. Песенная традиция алтайских казаков [Электронный документ]. URL: www.adygnet.ru/siteold/nauchrab/nstaty/sbordoc/stat19.doc30/11/2004 (дата обращения: 19.09.2013)

Щуров В.М. Русские песни Алтая. Вып. I. Песни Убинско-Ульбинской долины. М.: Изд. дом «Композитор», 2004.

Элиасов Л.Е. Народная поэзия семейских. Улан-Удэ, 1969.

Библиографический список

Головин В.В. Фольклор русских в иноэтническом окружении // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: сб. науч. тр. Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении. – М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 1995. – С. 14–23.

Кляус В.Л., Супряга С.В. Сопоставительный анализ лексики старообрядцев Восточного Полесья, Алтая и Забайкалья // Традиционная культура. Современный взгляд: проблемы и перспективы: Юдинские чтения-2008: материалы всерос. науч.-практич. конф. (Курск, 15 февр. 2008 г.). Курск: Курск. гос. ун-т, 2008. С. 42–48.

Криничная И.А. О взаимодействии этнокультурных традиций: к методике полевых и теоретических исследований // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: сб. науч. тр. Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении. М.: Гос. республиканский центр русского фольклора, 1995. С. 32–40.

Моргунова Н.И. Лексика народной лирической песни Курской области: дисс. ... канд. филол. наук. Курск, 1996. 233 с.

Смирнов Ю.И. Русский фольклор и иные фольклорные традиции // Русский фольклор в иноэтнической среде. Изучение и собирание: тезисы науч. конф. М., 1991. С. 21–25.

Супряга С.В. Анализ доминантной лексики частотных словарей лирических песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Восточного Полесья // Традиционная культура: научный альманах. 2013. № 3. С. 51–60.

Супряга С.В. Квантитативный анализ лексики песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Восточного Полесья // Лингвофольклористика. Вып. 20. Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. С. 37–47.

Супряга С.В. Сопоставительный анализ лексики лирических песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Восточного Полесья с точки зрения частеречного соотношения // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. Курск, 2013, № 4(28). URL: <http://scientific-notes.ru/pdf/033-019.pdf> (дата обращения: 26.12.2013).

Супряга С.В. Устойчивость лексики русской народной лирической песни к иноэтническому влиянию. Курск: Курск. гос. ун-т, 2001. 226 с.

Супряга С.В. Частеречное соотношение единичной лексики в частотных словарях лирических песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Восточного Полесья // Актуальные проблемы филологии и лингводидактики: сб. науч. ст. Курск: Курск. гос. ун-т, 2013. С. 31–35.

Шенталинская Т.С. Андальщина – местный песенный жанр русских колымчан // Сохранение и возрождение фольклорных традиций: сб. науч. тр. Вып. 6: Русский фольклор в инокультурном окружении. М., 1995. С. 140–151.